

ИГУМЕНΙΑ АФАНАСИЯ (СИЛКИНА):

«ИСТИННЫЙ ВРАЧ ДУШ И ТЕЛЕС – ГОСПОДЬ»

«За все слава Богу, принимаем как от руки Божией», – это слова игумении Афанасии, настоятельницы Рождества Богородицы женского монастыря в Ростове Великом на вопрос, как следует относиться к болезням. Однако этим наш разговор с матушкой Афанасией не ограничился – интервью получилось многогранным. Как говорится, на все случаи жизни.

ЧЕМ ГРЕШИМ – ТЕМ СТРАДАЕМ

Матушка Афанасия, тема очередного выпуска «МВ» – монастырская медицина, монахи-врачи, христианское восприятие болезней. На ваш взгляд, как монах должен относиться к болезням, как правильно их воспринимать?

Как и любой христианин. Мы знаем из Священного Писания, что болезни нередко попускаются человеку по грехам. Как говорит старая пословица, «чем грешим – тем и страдаем». Но так бывает не всегда. Часто болезни останавливают человека от чего-то плохого. Болезни смягчают сердце человека, научают его понимать ближнего, находящегося в страданиях, немощах, трудных обстоятельствах.

Вспомните слепорожденного в Евангелии. Апостолы спрашивают: «Господи, кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?» «Иисус отвечал: Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии» (Ин. 9:3). Чтобы другие, видя чудо Божие, милость Божию, любовь Божию к человеку, прославляли Творца. Поэтому причин, по которым посылаются нам болезни, очень много. Главное – разобраться, проанализировать ситуацию, принять с благодарностью Богу и, конечно же, с молитвой об исцелении. Молиться об исцелении можно и нужно, ибо Господь говорит: «Просите, и дано будет вам» (Мф. 7:7). Когда именно и пошлет ли Господь исцеление – Ему одному ведомо.

Болезни бывают продолжительные, которые потом увенчиваются исцелением на радость всем, кто молился за своего ближнего. Но случается, что болез-

ни не заканчиваются исцелением человека и он переходит в мир иной. Как правило, такой человек подходит к кончине измененный, с покаянием. Перенеся тяжелую болезнь, он многое пересматривает в своей жизни, видит моменты, на которых раньше никогда не заострял внимания. Вырывая человека из суеты, болезнь настраивает его на духовную жизнь, заставляет многое переосмыслить. А бывают болезни кратковременные, перенеся которые человек обновляется и снова вступает в активную жизнь.

На все воля Божия. Важно, чтобы сам человек старался не провоцировать болезни. Есть понятие «вредные привычки» (курение, наркотики, чрезмерное употребление алкоголя); когда человек подсознательно понимает, что он делает себе плохо, – вот это уже греховно. Не вино само по себе грех, а то, как человек злоупотребляет. Он сам подводит себя к той черте, когда организм заболевает и от этого душа приходит в расслабление, человек становится неспособным быть духовным воином. Вот что опасно. Этого ни в коем случае нельзя допускать. И еще очень самонадеянно думать, что болезнь минует. Не надо трогать запретный плод и утешать себя: я только попробую, ничего не будет. Надо просить: «Господи, избави меня от тяжкого пристрастия, не допусти до него!»

Нужно ли монаху обращаться к врачам? Вы благословляете своим сестрам лекарственные препараты?

Обращаться к врачам не грешно. Я никоим образом не препятствую принимать таблетки, если сестра болеет. Медикаментозные средства, полученные на основе минералов или растительного происхождения,

Причин, по которым человеку посылаются болезни, много. Главное – разобраться, проанализировать ситуацию, принять с благодарностью Богу и, конечно же, с молитвой об исцелении. Молиться об исцелении можно и нужно. Когда именно и пошлет ли Господь исцеление – Ему одному известно *иллюстрация Афанасия (Силкина)*

сотворил Господь, человек использует их полезные свойства для лечения. Другое дело, что, обращаясь к врачам и принимая лекарственные средства, мы должны понимать, что мы в руках Божиих. Если есть воля Божия человеку исцелиться, если он еще здесь, на земле, должен Господу послужить, то человек встанет и со смертного одра. А если воли Божией нет, то, бывает, и незначительная болезнь приводит к отходу из этой жизни.

Истинный врач душ и телес – Господь. Он властитель над нашей жизнью и смертью. Именно Он подает разум, действие и силу средствам, которые применяются для лечения человека. Исход болезни зависит от того, каков Промысл Божий о человеке.

Нередко продолжительная болезнь заканчивается смертью. Это всегда воля Божия о человеке?

И Священное Писание, и святые отцы учат нас, что все в нашей жизни надо воспринимать как от руки Божией. Тем более если мы знаем, что на этой земле не вечные, рано или поздно с нами может что-то произойти. Мы не должны ничего панически бояться. Более того, такие церковные праздники, как Успение Пресвятой Богородицы, Воскресение Христово, утверждают нас в двух истинах: смерть неизбежна и смерть для нас не страшна, если мы к ней подготовимся.

Что значит подготовиться к смерти? Это очень серьезный вопрос для христианина. Смерть – это переход в жизнь вечную. Это то, ради чего мы крестились: чтобы в итоге сподобиться быть с Господом в Царстве Небесном. Так если для нас это неизбежно, если это для нас блаженно, то почему мы должны этого бояться? Единственное, что должно нас устрашать, – как бы этот переход оказался не в жизнь вечную, а в вечную смерть. То есть мы в течение своей жизни должны заботиться о том, чтобы Господу предстать оправданными. Сами по себе мы не можем этого достигнуть. Господь нам оставил спасительные таинства: исповедь, святое причастие, соборование. Бог заповедал нам молиться Ему: «Все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам» (Мк. 11:24).

Мы на Литургии о чем просим? О том, чтобы Господь сподобил нас кончины мирной, непостыдной, святых таинств причастной. Если вдруг случилось в жизни так, что кто-то из наших родных по каким-то

причинам не сподобился такой кончины, так как смерти бывают разные, конечно, скорбно нам от этого, тяжело переносить утрату. Но и здесь у нас нет повода унывать. Церковь-мать учит нас молиться об усопших, творить за них милостыню, и это им помогает, это способно умиловить Господа и облегчить загробную участь наших близких. Об этом говорит любая проповедь на Родительскую субботу.

Матушка Афанасия, а Вы сами как болезни встречаете?

У меня болезни возникают, наверное, по неразумию моему. Когда я сильно устаю, начинаю роптать: «Господи, как же я устала, вот бы чуть-чуть отдохнуть!» И Господь посылает болезнь, которая выбивает меня из привычного ритма жизни: ну вот, просила отдохнуть – отдохай, что просила – то и получила (смеется). Другое дело, когда в болезни есть физическое страдание. Тогда начинаешь понимать глубокую мысль апостола Павла: «Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4:16). Конечно, в такие моменты появляется горячее желание быстрее поправиться, ведь еще надо столько всего сделать. В человеке заложено стремление к жизни, а значит, к приобретению здоровья, которое дает нам воплощение наших жизненных представлений.

Когда мы болеем, полезно читать канон о болящих. Он небольшой по объему, но очень богатый по содержанию и силе действия.

Бывает, что человек часто болеет и привыкает быть больным, появляется саможаление, даже злоупотребление своим немощным положением: человек ждет, что ему будут сочувствовать, он как бы спекулирует на своей болезни. В чем здесь опасность?

В таких ситуациях опасно уныние, которое, как правило, в болезнях наваливается на человека. Человек страдает, начинать осознавать, что он ограничен и не может без посторонней помощи. А бес тут как тут. Ни в коем случае не следует допускать уныния. Если же человек начинает злоупотреблять болезнью, спекулировать, то сие, конечно, не полезно. Это расслабляет душу. Конечная цель жизни каждого из нас – спасение. Даже если перед кем-то мы лукавим, Господь знает наши мысли, наше сердце – Ему все открыто.

МОНАШЕСТВО – ОЧЕНЬ ЖЕСТКАЯ ЖИЗНЬ

Недавно знакомая инокиня посетовала: при возникающих серьезных проблемах, сильных стрессах монашествующих вместо того, чтобы отправить к духовнику, благословляют на общение с психологом, который зачастую прописывает сильнодействующие препараты, нередко у монахов появляется зависимость от них. Что Вы думаете о таком явлении в современном монашестве, как монастырский психолог?

У меня встречный вопрос – а какую проблему хотят решить с помощью психолога? Что это за трудные ситуации, стрессы у монашествующих, которые лишают их сна? Что здесь имеется в виду? Тяжелая болезнь, смерть близких? Или же это недовольство тем, что с человеком произошло в монастыре?

Преподобный Иоанн Лествичник о монахах говорит так: «Все, усердно оставившие житейское, без сомнения сделали это или ради будущего Царствия, или по множеству грехов своих, или из любви к Богу. Если же они не имели ни одного из сих намерений, то удаление их из мира было безрассудное». Эти слова сразу же ставят монаха в следующее положение: если он выбрал этот путь, то намерения его были самые серьезные –

те, которые стоят вечной жизни. А ради вечной жизни все, что с нами случается по пути, мы должны воспринимать как странники. К примеру, едем мы на машине, остановились на заправочной станции или в кафе. Нас не интересует обстановка вокруг: покушали, заправили машину, поехали дальше. Мы знаем, что на станции все временное для нас, мы стремимся к конечной цели нашего пути. Тем более монах! Если он избрал этот путь, как его могут сбить с толку какие-то трудные ситуации, несправедливости, утяжеления, скорби?

Монах должен уподобиться Христу. Господь терпел заушения, поношения, унижения, крест – причем претерпел это все несправедливо. Если мы испытываем несправедливость в жизни, все равно понимаем, что мы люди грешные и терпим порой по своим грехам, а Господь-то безгрешно претерпел ради спасения человека. Как может один этот факт заставлять монаха внутренне бунтовать по поводу того, что с ним происходит? Монах выбрал этот путь. И что теперь – бежать к психологу, принимать психотропную таблетку, чтобы забыть от чего-то, в иллюзию погрузиться?

Монах приходит в монастырь биться! Надо понимать, что идет война, причем очень серьезная – с врагом рода человеческого. Апостол Павел сказал: «Наша

Когда после безбожных времен снова открывались монастыри, туда устремились люди, которые горели ревностью, они готовы были землю рыть, кирпичи носить, чтобы построить монастырь. А сейчас «оскуде преподобный» – приходят молодые сестры и сразу говорят: «Я такая больная, что даже корову доить не могу» *игуменья Афанасия (Силкина)*

брань не против плоти и крови, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6:12). И брань эта монаху более острая, чем кому-либо, потому что слишком высока ставка.

А что о монашестве говорит святитель Игнатий (Брянчанинов)? «Милость из милостей Царя царей – когда Он призвет человека к монашеской жизни, когда в ней дарует ему молитвенный плач и когда причастие Святаго Духа освободит его от насилия страстей и введет в предвкушение вечного блаженства». Святитель Игнатий говорит о том, что мы должны с помощью Духа Святого освободиться от насилия страстей. Вот эти страсти в нас и воюют, когда мы ропщем, унываем, падаем духом, когда у нас печаль, когда нам кажется, что кто-то нас угнетает, враждует против нас.

Это лишь внешние признаки того, что в человеке не все в порядке: что в нас есть гордость, раздражение, гнев и нет терпения, смирения, отсечения своей воли, любви – прежде всего к Богу, ибо ради любви к Богу мы готовы были бы потерпеть все. Потому что Он ради любви к нам претерпел даже крестные страдания. В нас же любовь к Богу либо в мелких зачатках и не развита, так как нас сразу сбивает с толку любая скорбь, либо мы вообще об этом забываем, а ведь это главная цель монашеской жизни – послушание, подобное Христу. Кто послушен, тот близок к Богу. «Господь был послушен даже до смерти крестной» (Фил. 2:8). А нам-то крест не угрожает. Нам порой колкое слово тяжело перенести. И то, нам оно может только казаться колким – человек, возможно, и не хотел нас обидеть. Конфликт зачастую возникает из-за мелочи. Если человек не готов терпеть что-то ради Господа, то возникают внутренние конфликты.

В трудных случаях надо бежать куда? Прежде всего, на исповедь. Посмотрите на опыт современных духовников – архимандрита Кирилла (Павлова), протоиерея Николая Гурьянова, архимандрита Наума (Байбородина), архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Кто-нибудь из них посылал своих духовных чад к психологу? Они исповедовали людей, своим кротким, любвеобильным словом, своей молитвой помогали им обрести мир с Богом, а значит, со своими внутренни-

ми нравственными понятиями. Почему мы забываем об этом целительном лекарстве?

Если человек страдает психическими расстройствами, то в этом случае нужен психотерапевт с его методикой лечения и уже можно говорить о медикаментозном вмешательстве. Но такие люди, как правило, не попадают в монастырь, не должны, по крайней мере. При поступлении в обитель человек должен предоставить справки о здоровье. Человек, психически нездоровый, не может быть принят в число братии. Это очень ответственное служение.

Получается, речь идет не о психическом здоровье, а о наших страстях, которые иногда воспаляются до такой критической степени, что человек не может с собой справиться. В этом случае в качестве скорой помощи можно обратиться к Священному Писанию, помолиться, осенить себя крестом, выпить святой воды и в ближайшее время пойти на исповедь и посмотреть – откуда во мне эти страсти. Они так оголились, потому что страсть увидела такую же страсть, она на нее воспалилась. Святой человек страстей не видит, он все покрывает любовью.

Господь показывает нам наши страсти, чтобы мы увидели их в себе и прекратили развивать. Во мне что-то возмутилось, поднялась муть со дна – и я увидела, что могу быть раздражительной, гневливой, гордой, мне не нравится точка зрения другого человека, я не смиряюсь, хочу творить свою волю, а если не выходит, то начинаю роптать. Это целая цепочка грехов, они находятся в неразрывной связи друг с другом.

Есть такое выражение: «какое общество – такая армия». Общество без армии не может. Так же и христианство не может быть без монашества. Монашество – золотой генофонд христианства. Состояние монашества показывает состояние христианского общества. Монашество – это «спецназ» Церкви, а монахи – воины. На войну не отправляют психологически неустойчивых бойцов. Если даже сильные на войне могут сломаться, что говорить о слабых. Поэтому в монашестве должен быть серьезный отбор. Потому что если будет «болеть» спецназ, то появится угроза христианскому обществу. Монашество – это очень жесткая жизнь, и она не для всех.

КОГДА ЧЕЛОВЕК УСТРАИВАЕТСЯ НА РАБОТУ, ОН ВСЯЧЕСКИ ПОКАЗЫВАЕТ РАБОТОДАТЕЛЮ СВОЮ АКТИВНОСТЬ И МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ, А В МОНАСТЫРЬ ПРИХОДИТ И НАЧИНАЕТ СЕТОВАТЬ, ЧТО ОН БОЛЬНОЙ. ТО ЕСТЬ ЗА ХЛЕБ ЧЕЛОВЕК ГОТОВ ТРУДИТЬСЯ, А ЗА ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ – НЕТ *изучения Афанасия (Силкина)*

Да, в идеале во всех трудных ситуациях монах должен обращаться к духовно опытному лицу. Но есть ли таковые сейчас?

Святитель Игнатий (Брянчанинов) предупреждал нас об этом еще в XIX веке! А ведь тогда были и Оптиноские старцы, и много подвижников высочайшей жизни в других монастырях. И все же святитель Игнатий говорил о дефиците таких людей. В наше время их еще меньше. Выше я перечислила некоторых опытных духовников, список можно было бы продолжить, хотя длинным он вряд ли окажется. Однако святитель Игнатий отмечал: «Спасаться можно в любые времена. Если ты не имеешь мудрого духовного наставника, обратись к Священному Писанию и к святым отцам». Об этом же говорил и архимандрит Кирилл (Павлов): «Дорогие мои, обращайтесь прямо ко Христу и к Его Пречистой Богоматери».

Кто нам запрещает это делать? Господь умудрит, просветит, пошлет нужные обстоятельства и верных людей. Исповедь сама по себе очищает душу человека, независимо от того, кто ее принимает. Важно, насколько человек искренне и полно исповедался перед Господом, насколько просил Бога помочь ему, избавить его от страсти.

Надо помнить, что грехи и страсти в человеке сидят иногда очень прочно, а бывает, человек не может избавиться от какой-то страсти всю жизнь и несет это как некий подвиг. Вспомните житие преподобной Сарры, которую искушал бес блуда. Как мудро она себя вела: просила Господа не избавить ее от беса, а укрепить в борьбе против него. И спустя несколько десятков лет Господь даровал ей победу над супостатом. Подвиг терпения этого искушения Господь вменил святой Сарре в венец. Вот какие ратоборцы отличные! А мы иногда поступаем как жалкие подобия. У нас такие великие заступники, помощники, нам есть на кого равняться. Почему мы про них забываем? Почему забываем прочитать акафист этим христианским воинам? Почему забываем призвать их на помощь в молитве? Мы же не одни в этом мире, у нас есть ангел-хранитель, небесные покровители — ходатаи пред Господом. Куда делась наша вера в спасительные действия этих средств? А ведь «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13:8).

Не стало твердости в нашей вере. Святые оставили нам свой опыт борьбы с врагом, мы должны этим

пользоваться. Преподобный Серафим Саровский говорил, что в этой битве нам не хватает решимости. Он учил так знать Священное Писание, чтобы ум как бы плавал в нем, свободно передвигался.

Попробуйте провести опрос среди христиан. Спросите их: кто каждый день читает утренние и вечерние молитвы, а в течение дня хотя бы одну главу Евангелия. Если вы опросите даже все христианское население страны, то увидите, какими невысокими будут показатели.

Почему так происходит?

Мы стали весьма вещественными, ленивыми. У нас все возможно, все доступно, все открыто. Нам кажется, что все очень легко: ну, не пойду сегодня на Литургию, пойду завтра. А христиане первых веков шли на Литургию как в последний раз! С какой ревностью, с какой верой, с какой надеждой служили Господу новомученики и исповедники Церкви Русской! Они претерпевали жуткие испытания в лагерях. Почитайте воспоминания. А сейчас кто-то жалуется, что ему в монастыре тяжело спастись. У новомучеников были меньшие скорби в лагерях, на тяжелейших работах, в изгнании, в уничтожении, в каждодневных, ежечасных смертях? Разве им было легко? Им не было доступно элементарное. Они долгие годы не могли причаститься Святых Христовых Таин, как они жаждали этого! Сейчас открыты храмы, но на воскресную Литургию все ли приходят?.. Ревности у нас нет. Мы много говорим и мало делаем, а древние христиане говорили мало, но делали много.

Монашествующие прежних поколений отмечают, что молодежь нынче «кисель киселем»: физически слабые, невыносливые, нестрессоустойчивые. Вы тоже с этим сталкиваетесь?

Когда после безбожных времен снова открывались монастыри, туда устремились люди, которые горели ревностью, они готовы были землю рыть, кирпичи носить, чтобы построить монастырь. А сейчас «оскуде преподобный» — приходят молодые сестры и сразу говорят: «Я такая больная, что даже корову доить не могу».

Когда человек устраивается на работу, он всячески показывает работодателю свою активность и мно-

гофункциональность, а в монастырь приходит и начинает сетовать, что он больной. То есть за хлеб человек готов трудиться, а за Царствие Небесное — нет.

Порой в Церкви люди встречаются с грубостью, гневом, недовольством и соблазняются, недоумевают: это же храм/монастырь, тут такого быть не должно. Понятно, что недостатки есть у всех, все мы люди, и монахи тоже, однако приходилось наблюдать откровенно неприятные ситуации. Как реагировать, когда в Церкви видишь то, что по-хорошему видеть не должен?

Наблюдать, анализировать, сопоставлять, умудряться. Умудряйтесь духовно! Где люди — там грехи. Другое дело, что кто-то усиленно над ними работает, а кто-то — нет. Если мы видим что-то, на наш взгляд, непотребное, мы должны подумать, почему Господь попустил нам это увидеть. Может быть, для того чтобы мы увидели, как нельзя поступать, и не совершали таких ошибок. К тому же такие ситуации позволяют внимательно рассмотреть свои сердечные тайнички. Если в ответ на грубость я отреагировала гневом или раздражением, значит, и во мне это есть.

Понимаете, мы, люди, друг другу нужны. Если дети не играли вместе в песочнице, как они научатся

дружить? Так и мы: если соприкасаемся друг с другом, то показываем наши качества души перед Господом, на что мы способны — в хорошем смысле. Себе мы показываем, на что мы способны в плохом смысле. И это тоже опыт. Когда ты сам по себе, то весь такой хороший и гладкий, а когда соприкасаешься с другими людьми, познаешь в себе множество греховных шероховатостей и открывается повод для покаяния и серьезной работы над собой.

Иногда человеку просто необходимо вразумление для исправления, только это может остановить его от пагубного. Господь устраивает обстоятельства таким образом, что человек понимает: ему нужно немного притихнуть, смириться. Когда человек начнет смиряться, Господь будет простирать к нему благодать, вместе с которой он получит утешение, наставление, вразумление. Как я буду умудряться, если мне в этом не поможет Господь? А как мне поможет Господь, если я буду упрячиться? Надо, чтобы благодать Божия действовала в человеке, она будет вразумлять его, и тогда откроются духовные очи и человек увидит, что другой человек ему не враг.

Не люди нас исправляют или смиряют — это лишь внешние проявления. Жестокому язычнику

Некоторые думают, что если им отсекли концы волос, облекли в монашеские одежды, то они уже монахи. Ничего подобного! Монах – это серьезнейшая, кропотливая работа по совершенствованию своей души – до гроба. Это очень жесткая жизнь. Чтобы стать монахом, надо так сильно свою душу изменять, чтобы хоть некоторым образом приблизиться к этому званию *игуменья Афанасия (Силкина)*

Пилату была попущена власть над Самим Сыном Божиим ради совершения тайны искупления человеческого рода. «Пилат говорит Ему: мне ли не отвечаешь? Не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя?» (Ин. 19:10) Вы только вдумайтесь, что отвечает Господь: «Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше» (Ин. 19:11). Сам безгрешный Иисус пострадал от людей, а мы с вами грешники, и немудрено, что попадаем в ситуации с острыми углами.

Надо нудить, заставлять себя полюбить человека, который нас притесняет, оскорбляет или гневается. Нужно учиться отпускать, стараться не ссориться, не гневаться, не отвечать на оскорбления – ради Христа и именно ради Христа, а иначе это будет лицемерие. Человек мне делает зло, как я могу его полюбить? Ради Христа! Господь распялся на кресте ради меня и ради него тоже. Надо человека и пожалеть в какой-то степени. И тогда терпение скорбей от людей может вмениться в венец терпения, например, или этим прощаются какие-то собственные погрешности, или приобретается состояние добродетели в душе.

Почему надо полюбить врагов, как говорят святые отцы? Дело в том, что наши враги соделывают наше спасение путем своего падения. Надо пользоваться этим, это и означает умудряться духовно. Нужно стараться по-христиански реагировать на зло, и уже одно это будет спасительно. Все надо воспринимать как духовное упражнение для нашей души от Господа. Анализировать, что хочет от нас Господь этим упражнением. Справились с упражнением – все, оно уже не нужно, искушение отойдет. Мы должны думать о спасении души. Если на зло мы ответим злом, то умножим его. Да, мы не можем спасти весь мир, но в наших силах хотя бы не умножать зло в нем своими поступками.

МОНАСТЫРЬ – ЭТО НЕ КОЛХОЗ

Матушка Афанасия, как Вы пришли к монашеству?

Все началось с Троице-Сергиевой лавры. Когда я училась в школе, нас привезли туда с экскурсией. Был чудесный день, шла пасхальная седмица. Осмотрев монастырь и приложившись к мощам преподобного

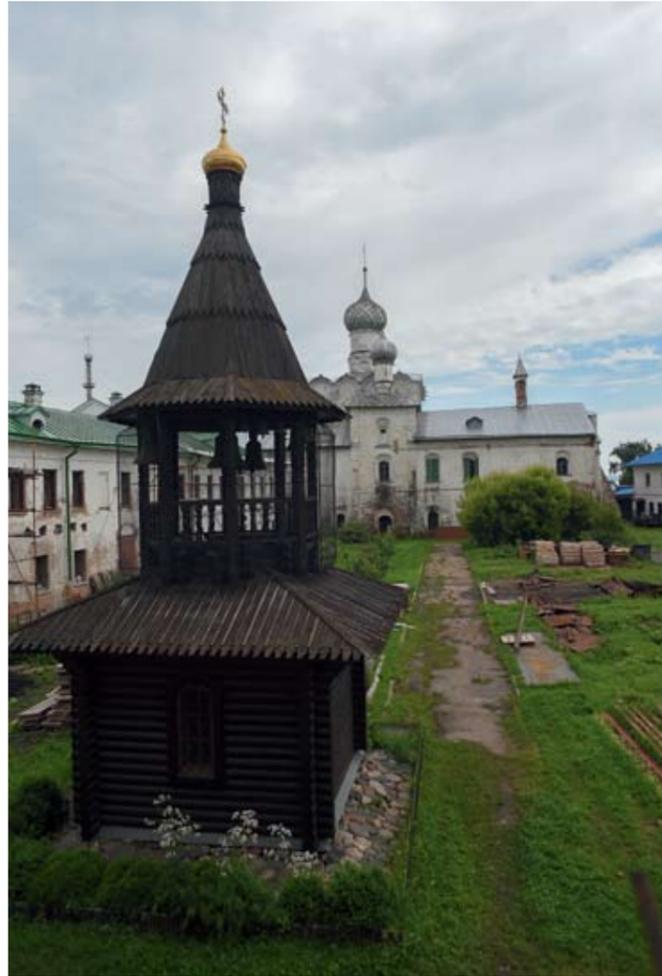
Сергия, я присела на скамейку, и вдруг по дорожке прошли два монаха. Они остановились, поприветствовали друг друга: «Христос Воскресе!» Помню, меня все это просто поразило: необычные одежды, клобуки, приветствие.

Потом, уже в зрелом возрасте, я стала часто приезжать в Лавру. Монашество казалось мне очень приятательным образом жизни. Мне было интересно, как люди встали на этот путь. Однажды я чудом попала на исповедь к отцу Кириллу (Павлову). Стала ему исповедоваться. Постепенно во мне появлялись решительные перемены и желание иной жизни. Отец Кирилл вымалывал мою душу, чтобы во мне укрепилось желание монашества. Я ему очень благодарна за все. Милость Божья, что я знала этого человека. Он меня породил духом.

По профессии я педагог, в миру преподавала географию и биологию в школе. Профиль позволял преподавать еще экологию и химию. Была завучем. Однажды настоятель храма, где я в то время читала на клиросе, вела воскресную школу, помогала организовать библиотеку, протоиерей Стефан мне сказал: «Молишься за вас, а вы ведь будете игуменией!» Я подумала: «Ну, батюшка махнул!» Мне было 23 года. А через шесть лет я пришла в монастырь...

До назначения игуменией в Ростов Великий я девять с половиной лет подвизалась в Толгском монастыре. И когда приехала в Ростов, мне пришлось учиться жить в новом мире. Представьте, что вас отправили в незнакомый город, где вы никого и ничего не знаете, денег с собой не дали, документов на монастырь – тоже. Доходило до смешного. Аферистов вокруг меня роилась масса, они, как акулы, мимо рыскали. Наверное, один внешний вид выдавал мою наивность. Когда аферисты понимали, что с меня взять нечего, денег в монастыре нет, они исчезали. Мне потом объяснили, что меня хотели «развести». Я слова-то такого не слышала никогда (*смеется*).

Я не знала, что такое флешка, электронная почта, представляете! В первый год мне переводили современный сленг на нормальный русский язык, чтобы я была «в теме», как сейчас говорят. Вот что значит – человек пришел из другого мира, из монастыря. Всего девять с половиной лет прошло, а мир стал другим...

Многие отмечают и сами монашествующие признают, что современное монашество переживает кризис. Вы замечаете нечто подобное?

Наша проблема в том, что мы смотрим на внешнее, заиклены на внешнем. Более того, сегодня для некоторых людей монашество — это определенный статус в обществе. Очень опасное самомнение! Монашество — не статус, это как Господь сказал: «Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою» (Мк. 9:35). В монастырь надо идти с таким настроем, что ты из себя ничего не представляешь, твоя главная задача — спасти свою бессмертную душу.

Раньше, когда вера была под запретом, надо было совершить два подвига: личный (преодолеть земное притяжение) и пойти против законов общества и государства. В наше время от человека требуется только совершить личное преломление: можешь ты это сделать ради Господа или нет. Но иногда и гордость способна на подвиги (чтобы пощекотать свое тщеславие), как говорит преподобный Иоанн Лествичник. Некоторые думают, что если им отсеки концы власов, облекли в монашеские одежды, то они уже монахи. Ничего подобного! Монах — это серьезнейшая, кропотливая работа по совершенствованию своей души — до гроба. Чтобы стать монахом, надо так сильно свою душу из-

менять, чтобы хоть некоторым образом приблизиться к этому званию.

Меня часто спрашивают: а сколько у вас коров, гектаров земли? Но ведь монастырь — это не образцовое коллективное хозяйство! Продукция, молоко, урожай — не цель, это не должно идти в минус молитве. Иначе это колхоз, а не монастырь. Если мне звонит человек и говорит, что его мама попала в больницу, а я собиралась огород прополоть, что я буду делать? Конечно, помолюсь о болящей маме. В итоге огород заросший, зато за людей помолились — вот это монашество. Люди должны это понимать и дорожить этим.

А что такое молитва? Это несколько часов из 24-х суточных, которых всегда не хватает. Но молитва — самое главное. Господь меня спросит не про удои на ферме, не сколько грядок я прополочу, а как исполняла свой монашеский долг: как я смирялась, как каялась, как относилась к людям, как несла свои монашеские обеты.

Каждый монастырь, если монахи занимаются там не только фермой и огородом, — это концентрация благодати. Мы не должны забывать: прежде всего Христос, молитва, а все остальное — по пути, между делом. Мне нередко предлагают наладить монастырское производство. Но так возникает риск стать колхозником, а не монахом. Если у меня есть время прополоть грядку, я прополочу, если нет — пускай она зарастает. Это не главное в жизни, не грядки должны быть в приоритете. Все отложу ради службы и молитвы.

Как не допустить, чтобы монастырь превратился в трудовой лагерь, что, к сожалению, не редкость сегодня?

Христос должен быть на первом месте. Ферма и огород — это хорошо, если не становится помехой в духовной жизни.

Будучи игуменией, что Вы считаете самым сложным в современном монашестве?

Как должностное лицо, с чем я только ни сталкивалась. У нас Церковь отделена от государства, но вы не представляете, сколько я сдаю отчетности. Наш монастырь не имеет наемных работников из-за скудости средств, но декларации и всевозможные отчетные документы, даже с нулевыми показателями, отправлять должен. Совершенно очевидно, что это занимает слишком много времени. А ведь еще надо правило исполнить, службу совершить, элементарно по хозяйству жизненно необходимое сделать. Трудно даже представить, что преподобный Сергей Радонежский мог заниматься отчетностью. Он посвящал время молитве и духовному руководству братией.

